
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

О.Г. ХАРИТОНОВА*

ИЗУЧАЯ ТЕРРОРИЗМ: ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ ДИСКУССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению состояния исследований негосударственного терроризма, методологическим проблемам исследования терроризма, концептуализации, операционализации и типологизации терроризма, структурных факторов и основных причин терроризма, анализу поведения террориста с точки зрения теории рационального выбора и связей между политическими режимами и риском терроризма. Особое внимание уделяется этническому терроризму в разделенных обществах и структурным факторам, способствующим его развитию. Констатируется, что в настоящее время в академических кругах сложился консенсус относительно минималистского определения терроризма как стратегии протеста с использованием насилия или угрозы насилия против гражданских лиц, однако относительно основных причин, факторов и триггеров терроризма согласие не достигнуто.

Ключевые слова: терроризм; террорист; волны терроризма; типология терроризма; факторы терроризма; негосударственный терроризм.

Для цитирования: Харитонова О.Г. Изучая терроризм: Основные контуры дискуссии // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 13–33. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.01

---

* **Харитонова Оксана Геннадьевна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Kharitonova Oxana, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

© Харитонова О.Г., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.01

O.G. Kharitonova
Researching terrorism: Discussion outline

Abstract. The article analyzes the state of the research of non-state terrorism, methodological research problems of studying terrorism, conceptualization, operationalization of terrorism and typologies of terrorist activities, structural factors and root causes of terrorism, analysis of terrorists' behavior from the rational choice perspective and the relationship between political regimes and the risk of terrorism. Special attention is given to ethnic terrorism in divided societies and structural causes fostering terrorism. At present the academic consensus has been reached about the minimalist definition of terrorism as a protest strategy using the means or threat of violence against civilians, but there is no agreement about main preconditions, factors and triggers of terrorism.

Keywords: terrorism; terrorist; waves of terrorism; types of terrorism; root causes of terrorism; non-state terrorism.

For citation: Kharitonova O.G. Researching terrorism: Discussion outline // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 13–33. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.01

Терроризм пристально изучается сравнительными политологами, международниками, психологами, социологами и юристами с 1970-х годов XX в. Интерес к проблеме вызван увеличением числа наблюдений террористических атак. Так, в глобальную базу данных терроризма (*Global Terrorism Database*) на сегодняшний день занесено 176 313 террористических актов, что свидетельствует о распространенности этого явления [Global]. Чаще всего террористы организуют взрывы и осуществляют вооруженные нападения и убийства.

Таблица

Виды террористических атак

<i>Террористическая атака</i>	<i>Число наблюдений</i>	<i>% наблюдений</i>
Вооруженное нападение	43 372	24,60
Убийство	18 567	10,53
Взрыв	83 559	47,39
Нападение на объекты инфраструктуры	11 136	6,32
Угон самолета	613	0,35
Захват заложников	939	0,53
Похищение людей	10 757	6,10
Невооруженное нападение	942	0,53
Нет информации	6428	3,65
Всего	176 313	100

Источник: Global terrorism database. – Mode of access: <http://www.start.umd.edu/gtd/>
(Дата посещения: 15.07.2018.)

Э. Силке и Дж. Шмидт-Петерсен называют современный этап исследований терроризма «золотым веком»: 63 из 100 самых цитируемых статей, опубликованных после 2001 г., были посвящены терроризму; 13 из них были опубликованы после 2006 г. Они предупреждают, что при огромном количестве публикаций исследователю приходится продираться через шлак, чтобы найти драгоценный камень [Silke, Schmidt-Petersen, 2017].

Но проблему представляет не только огромное количество сюжетов, мнений и позиций: как считает Э. Ричардс, в академических кругах анализ феномена терроризма находится на «дотеоретическом этапе» или, другими словами, является теоретически несостоятельным [Richards, 2014, p. 215]. В чем же проявляется сложность исследований терроризма?

Во-первых, в концептуализации. Концептуализация терроризма необходима для отделения террористических атак от действий повстанцев, убийств, похищений, геноцида, репрессий и гражданских войн. Без концептуализации предмета его сложно операционализировать, а операционализация влияет на выбор кейсов и наблюдений и в конечном итоге – на научные результаты.

Во-вторых, в отсутствии консенсуса относительно сути терроризма. Является ли он целью или средством ее достижения и, соответственно, продолжением политики? Корректно ли разделять терроризм на государственный и негосударственный, внутренний и международный?

По мнению ряда авторов, субъектом терроризма могут быть и государство, и негосударственные акторы [McAllister, Schmid, 2015; Tilly, 2004; Post, 1990; Crenshaw, 1981]. Как отмечают Б. Макаллистер и А. Шмид, государственный терроризм – *sui generis* – не сравним с «маломасштабным терроризмом подпольных революционных ячеек» [McAllister, Schmid, 2015, p. 32]. Исследователи указывают и на возможность проникновения терроризма в государственные структуры, в том числе силовые [Грачев, Гасымов, Стесиков, 2012, с. 95].

В настоящей статье под терроризмом будет пониматься исключительно негосударственный терроризм, хотя автор отдает себе отчет в том, что между государственным и негосударственным терроризмом может быть двусторонняя причинно-следственная зависимость.

В-третьих, в политизированности и эмоциональной окрашенности исследований терроризма. По точному замечанию С. Башерена, «террорист, совершивший преступления с одной стороны границы, после ее пересечения становится борцом за свободу» [Başeren, 2008, p. 2]. Как считал лидер ООП Ясир Арафат, «разница между революционером и террористом заключается в причине борьбы. Тот, кто сражается ради справедливой цели и борется за свободу и освобождение своей земли... не может называться террористом» [цит. по: Shughart, 2006, p. 10]. Четверо бывших «признанных террористов» стали впоследствии обладателями Нобелевской премии мира: Ясир Арафат, Нельсон Мандела, Менахем Бегин и Шон Макбрайд. Многозначность дефиниций терроризма затрудняет формирование международного режима по борьбе с этим явлением. В связи с этим обвинения «в поддержке террористов» могут становиться (и становятся) эффективным инструментом внешней и мировой политики [см.: Terrorism and low intensity conflict... 2003].

В-четвертых, в изменчивости контекста. Так, «террористические группы появляются в результате одного набора условий, но продолжают функционировать по другим причинам, а индивиды могут оставаться в террористической группе по мотивам, отличным от мотивов в момент вступления в группу» [Bjørge, 2005, p. 4]. Таким образом, временной аспект наблюдения имеет большое значение и может повлиять на результаты исследований и на индивидуальном / групповом уровне (характеристики и установки), и на уровне государств (структурные факторы).

В-пятых, в сложности проведения эмпирических кейс-стади исследований. Поэтому большая часть исследований носит описательный характер и анализирует конкретные действия террористических групп, их идеологию, риторику и политико-психологические характеристики лидеров и рядовых членов. Другая часть представляет собой статистические глобальные сравнения, призванные проверить гипотезы о связи между терроризмом и структурными факторами на высоком уровне генерализации / абстракции (в логике Дж. Сартори).

Тем не менее отсутствие универсального определения «не приводит к застою в исследованиях терроризма» [Schmid, 2014, p. 588]. Обобщить состояние бурной научной дискуссии и призвать на настоящая статья.

Проблема концептуализации терроризма

Как отмечено выше, «сложность № 1» в изучении терроризма связана с его концептуализацией. На настоящий момент среди исследователей в целом достигнуто согласие относительно субъектов терроризма (это негосударственные организации), целей / объектов (в основном гражданские лица и объекты), тактики (насилие или угроза его применения) и желаемого эффекта (влияние на массовую аудиторию). Согласно А. Шмиду, терроризм сочетает «доктрину о предполагаемой эффективности определенной формы тактики устрашения и политического насилия... и конспирационную практику умышленного, демонстративного прямого насильственного действия без легальных и моральных ограничителей, нацеленную в основном на гражданских и других лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях (некомбатантов), и осуществляемую ради пропагандистского и психологического воздействия на разные аудитории и стороны конфликта» [Schmid, 2014, p. 588].

Большинство авторов указывают на наличие определенного *политического* мотива террористов и использование насилия или угрозы насилия для достижения *политических* целей. Так, Б. Мак-аллистер и А. Шмид считают, что цели террористических акторов заключаются в переопределении и изменении сложившегося статус-кво, однако в отличие от нетеррористов они достигают своих целей нелегальным и насильственным способом и действуют подпольно вследствие социальной маргинализации экстремизма как идеологии [McAllister, Schmid, 2015, p. 59].

Согласно А. Ричардсу, психологическое воздействие террористических действий распространяется шире объекта терроризма, независимо от того, являются ли они гражданскими лицами или комбатантами [Richards, 2014, p. 223, 227]. М. Креншоу подчеркивает, что терроризм всегда направлен против государства с целью политических изменений, причем объекты (жертвы) имеют значение только из-за принадлежности к общей аудитории [Crenshaw, 1981, p. 379]. Дж. Гудвин разграничивает терроризм и повстанческие военные действия (основной целью которых является государство) и говорит, что объектом терроризма могут быть только гражданские лица [Goodwin, 2006, p. 2028].

Оценивая роль насилия в террористических действиях, отметим наиболее распространенные точки зрения. Так, насилие:

- является инструментом достижения политических целей;
- дает террористам преимущества, так как «направлено на цели, которые невозможно определить заранее, которые часто не связаны с ведущейся политической борьбой» [Başeren, 2008, p. 3];
- может способствовать эффективности терроризма;
- является «в первую очередь ресурсом, а не конечным продуктом» и может быть средством для устрашения, деморализации, радикализации, наказания, мобилизации, провокации и пропаганды [Kalyvas, 2004, p. 100].

Однако есть и мнение, что насилие – самоцель террористических групп, поскольку индивиды вступают в террористические группы, чтобы совершать террористические действия, и не могут их прекратить, не допуская организационного самоубийства [Post, 1990, p. 35, 39].

Более широкая трактовка целей террористов присутствует в Глобальной базе данных по терроризму (также не включает государственный терроризм¹), которая определяет террористическую атаку как угрозу или действительное использование насилия негосударственным актором для достижения политических, экономических, религиозных или социальных целей путем устрашения или принуждения. Для включения наблюдения в базу данных оно должно иметь следующие характеристики: а) действие должно быть преднамеренным (результат сознательного расчета актора); б) действие должно включать насилие или угрозу его применения, в том числе и по отношению к собственности; в) действие совершается субнациональными акторами. Кроме этого, действие должно соответствовать как минимум двум из трех следующих критериев: а) действие должно преследовать политические, экономические, религиозные или социальные цели; б) должно быть свидетельство намерения передать сообщение / угрозу более широкой аудитории; в) действие не проводится в рамках военной операции [GTD codebook... p. 9–10].

В целом А. Шмид различает пять акцентов в концептуализации терроризма, при которых терроризм понимается как: а) пре-

---

¹ Под государственным терроризмом многие авторы понимают государственный «террор», репрессии и насильственные действия со стороны и от имени государства в отношении населения. Однако подобный подход представляет собой растяжение концепта «терроризм», что усложняет сравнительный анализ.

ступление; б) политика; в) война; г) коммуникация; д) религиозный фундаментализм [Schmid, 2004].

Терроризм – преступление, так как действия, совершаемые террористами (атаки на гражданских лиц, бомбовые удары, убийства, нанесение ущерба инфраструктуре, похищения, захват заложников и угоны), являются преступными с точки зрения национального законодательства и международных норм; чтобы стать террористическим действием, такое преступление должно иметь политический мотив [Ibid., p. 197].

Терроризм – разновидность политики, так как террористы определенным способом борются за власть или оказание влияния на нее. Для Ч. Тилли, однако, терроризм «выходит за рамки форм политической борьбы, присущих действующему режиму» [Tilly, 2004, p. 9]. «Не всегда политический» терроризм и для А. Шмида: могут быть чисто «криминальные» и «безумные варианты» [Schmid, 2014, p. 589] (здесь отметим, что сравнительный анализ психотипов террористов Дж. Поста подтвердил тезис об их «нормальности» [Post, 2005]).

Терроризм можно расширительно трактовать как войну – эквивалент военных действий в мирное время или продолжение войны иными (террористическими) средствами.

Терроризм способен быть средством коммуникации: для достижения политических целей террористической группе необходимо рекрутировать сторонников через пропаганду и средства массовой коммуникации. Как отмечает Б. Дженкинс, «терроризм – это театр» [цит. по: Shughart, 2006, p. 9], поэтому для эффективности террористических действий актерам необходимо найти свою аудиторию и удержать ее. Завоеванию аудитории активно способствует Интернет, где, в отличие от телеканалов и других СМИ, нет ограничений, накладываемых внутренней цензурой [Хохлов, 2017, с. 49].

Вопрос о религиозном фундаментализме как ипостаси терроризма мы рассмотрим ниже.

Типологии терроризма

Согласно Ч. Тилли, «террор – стратегия, а не убеждение» [Tilly, 2004, p. 11], однако большинство авторов типологизируют

терроризм в соответствии с убеждениями и заявленными целями террористов. Цели могут варьироваться от автономии и освобождения (с соответствующими прилагательными) до дестабилизации и ликвидации авторитарного режима. Терроризм всегда является отражением явного или потенциального общественно-политического конфликта, и террористы представляют определенную сторону в этом конфликте.

Одна из первых типологий группового терроризма была предложена П. Уилкинсоном, который выделяет субреволюционный, революционный, репрессивный и эпифеноменальный типы. Она не лишена отдельных недостатков. Во-первых, в ней соединяются государственный и негосударственный типы терроризма. Во-вторых, три первых типа имеют свои цели и характеристики, а четвертый является «остаточной категорией». Революционный терроризм ставит целью осуществление революции, фундаментальных изменений социально-экономического порядка; субреволюционный терроризм имеет множество целей, кроме революционного захвата власти; репрессивный терроризм относится к государственному терроризму. Критик типологии Уилкинсона М. Мозаффари доработал ее и выделил субреволюционный / революционный, репрессивный, сепаратистский (за независимость или автономию) и международный типы. Революционный терроризм стремится к реформам и изменениям, репрессивный – к подавлению оппозиции, сепаратистский – к получению автономии или независимости, международный – к изменению мирового порядка [Mozaffari, 1988, p. 185].

Главным преимуществом таких типологий является отход от географических и культурно-этнических критериев при типологизации и выявление идейной связи между нетеррористическими движениями и террористическим методом. Так, сепаратистский терроризм может усиливать влияние сепаратистских движений и проявляться в ходе войн за независимость.

Другие распространенные основания построения типологий терроризма обобщены Ю.И. Авдеевым [Авдеев, 2000].

Наиболее известная периодизация негосударственного терроризма предложена Д. Рапортом, который выделяет четыре его волны [Raport, 2004]. Основные критерии для выделения волны – глобальный характер, общая движущая сила и отличные от предыдущей волны цели и стратегия.

Первую волну терроризма (1870–1920-е годы) автор называет волной анархизма, так как доминирующей стратегией было уничтожение, часто показательное, политических противников с использованием риторики революционной борьбы и пропаганды восстания.

Основной мотив второй волны терроризма (1920–1960-е годы) – национализм. Волна была преимущественно национально-освободительной, террористы стремились к получению независимости от метрополии. Они признавали государство как институт, но стремились к собственной государственности; основными объектами их действий были силы безопасности и армия. Террористы второй волны имели большую поддержку населения, которой не было у террористов всех других волн, что обеспечивало им внутреннюю легитимность и международную помощь.

Третью волну (1960–1980-е годы) Д. Рапопорт именуется новой левой / марксистской. Террористы-марксисты стремились к театрализации действия [Ibid., p. 56], используя политические убийства и покушения на политиков в качестве видимого наказания за проводимую политику, а стратегию похищения и захвата заложников – для привлечения широкого внимания общественности. В отличие от террористов-националистов, они не имели широкой поддержки, что привело к спаду волны.

Четвертая волна (1970–2020-е годы) – религиозная, в центре которой, по мнению Д. Рапопорта, находится ислам, однако в эту волну активно вливаются и террористические группы, исповедующие другие религии (сикхи в Пенджабе, «Аум Синрикё» в Японии, тамилы в Шри-Ланке). Религиозный терроризм становится глобальным феноменом.

По мнению ученого, терроризм за последние 125 лет стал важной чертой нашего мира. Три фактора повлияли на развитие терроризма: технологии, доктрины и развитие демократических идей. «Крах программы демократических реформ вдохновил первую волну, основным лейтмотивом второй волны стало самоопределение. Доминирующей темой третьей волны была недемократичность существующих систем. Дух четвертой волны – отчетливо антидемократичный, так как демократическая идея немислима без значительной доли секуляризма» [Ibid., p. 65]. В этом контексте противодействие исламистскому терроризму (джихадизму) особенно сложно. Как отмечает И. Кудряшова, «жесткое разделение

религии и политики неприемлемо для большинства мусульман, которые считают ислам образом жизни как воплощение священной нормы... в случае выбора любой модели развития вопрос в мусульманском сообществе состоит не в том, должна ли религия придавать смысл функционированию государственных и социальных структур, но в том, в какой степени и в каком темпоритме это будет происходить» [Кудряшова, 2003, с. 115].

Подходу Д. Рапопорта частично соответствует периодизация волн современного (1945–2000) терроризма У. Шугарта (национально-освободительный и этносепаратистский, левый и исламистский типы), однако главным фактором развития терроризма, по мнению последнего, является «искусственное государствовроительство» в межвоенный период [Shughart, 2006].

Некоторые авторы предлагают выделить новую, пятую, волну, в ходе которой появляются террористические квазигосударства. Главным контраргументом является региональный, а не глобальный характер этой волны (все террористические квазигосударства сконцентрированы на Ближнем Востоке и в Северной Африке) [Honig, Yahel, 2017].

Большинство исследователей концентрируются на изучении отдельных типов терроризма: идеологического, этнического и т.д. С. Башерен полагает, что идеологический терроризм преследует идеологические цели (часто в рамках антиимпериалистического движения), а этнический является частью или продолжением этнических, сепаратистских конфликтов и войн в качестве ответной реакции на репрессивную политику государства [Başeren, 2008].

Этнический терроризм сфокусирован на этнической идентичности и этнической мобилизации [Vyman, 1998]. Он, с точки зрения Ф. Рёдера, имеет много общего с этническими войнами, которые ведутся с целью расширения политических прав определенных этнических групп и получения доступа к процессу рекрутирования должностных лиц, принятия решений и самоуправлению (от автономии до независимости) [Roeder, 2003, p. 512]. Однако имея с этническими войнами общие цели и общую тактику, направленную на мобилизацию и политизацию этничности [подробнее об этнических войнах см.: [Харитоновна, 2016], этнический терроризм расходится с ними в средствах борьбы.

По мнению Д. Баймана, «терроризм является идеальной тактикой сепаратизма в многоэтнических демократиях... для сепаратистов це-

лью выборов является поляризация, а не объединение общества. Терроризм в данном случае еще более разделяет общество, помогая этнической группе достичь своих целей» [Vuman, 1998, p. 162].

В изучении религиозного терроризма можно выделить два подхода: в соответствии с первым религия может вносить смысловую религиозную компоненту в существующий конфликт, со вторым – быть частью конфликта. Логику религиозного терроризма объясняет М. Юргенсмейер: религия привносит в конфликт новые аспекты, которые ранее не были его частью; религия персонализирует конфликт и обеспечивает, кроме социальных наград, еще и персональное вознаграждение участникам конфликта – религиозные заслуги, искупление, обещание небесного наслаждения. Таким образом, религия обеспечивает легитимность и моральное оправдание террористическим действиям и дает моральную санкцию на использование насилия [Juergensmeyer, 2006, p. 142]. Согласно А. Шмиду, религиозная рационализация террористических действий имеет большое значение для истинных верующих: «...Трансформирование бесчеловечных действий в героические представляет собой оборонительный механизм (или механизм нейтрализации), превращающий убийства в жертвоприношения» [Schmid, 2004, p. 212].

Религиозный терроризм, как и этнический, приводит к абсолютизации конфликта и демонизации оппонентов: дихотомия «мы – они» превращает конфликт в «космическую войну» между «силами зла» и «силами добра», поэтому священная война может длиться вечно [Juergensmeyer, 2006, p. 142].

Дж. Пост в своих работах выделяет такой вид терроризма, как терроризм «по отдельному вопросу политики» [Post, 2005, p. 617]. Описаны и другие виды терроризма (например, биологический, технологический). Однако нет типологии, которая учитывала бы все типы и виды террористической активности.

Рационален ли выбор террористов?

В конфликте у оппозиционной группы есть три стратегии – сохранение статус-кво, свержение правительства в результате переворота и терроризм [Blomberg, Hess, Weerapana, 2004]. Если терроризм является стратегией разрешения конфликта, а террористы

являются «нормальными» [Crenshaw, 1981; Post, 1990, 2005; Bjørge, 2005], т.е. рациональными индивидами, можно попытаться объяснить использование определенного террористического метода с помощью теории рационального выбора.

Дж. Пост пишет о «психологике» террористов как осознанном выборе из ряда возможных альтернатив, причем их всех отличает «поляризирующая и абсолютистская риторика – мы против них – без нюансов, без оттенков серого... Они – источник зла и проблем и должны быть уничтожены» [Post, 1990, p. 25]. По мнению ученого, большинство террористов не имеют «серьезной психопатологии, однако среди них наиболее широко представлены агрессивные и направленные-на-действие индивиды, отличающиеся сочетанием личного чувства неполноценности и психологическим механизмом экстернализации» [Ibid., p. 31]. В то же время «нет ни уникального профиля террориста, ни единого пути к террористической карьере» [Schmid, 2014, p. 593].

Несмотря на указанные выше мнения психологов, представители теории рационального выбора пытаются моделировать поведение террористов и террористических групп в рамках экономических моделей через стремление к максимизации индивидуальной или групповой полезности. Терроризм рассматривается инструментально как рациональная стратегия, направленная на изменение политики правительства или поведения оппонентов. Террористы своими действиями стремятся достичь коллективного общественного блага, так как все преимущества, в случае успеха, будут распространены и на участников, и на симпатизирующих.

С точки зрения затрат терроризм является менее затратным и более эффективным в экономическом плане, чем гражданская война. Терроризм – стратегия меньшинства, у которого нет других средств противостоять большинству. Однако меньшинство в данном случае действует «от имени, но без консультаций, согласия и одобрения своей группы» [Crenshaw, 1981, p. 384].

Терроризм является коллективным действием, так как террористы выступают от имени определенной группы (этнической, религиозной, идеологической и проч.). Согласно классической теории коллективных действий коллективная выгода группы превышает затраты индивида-участника, тем самым создавая проблему безбилетника, достигающего коллективного блага, не прилагая никаких усилий. Учитывая «затраты», связанные с террористиче-

скими действиями, рациональные индивиды должны отказаться от этой стратегии. Как считает Д. Гупта, рациональный террорист присоединится к коллективным действиям при осознании выгоды коллектива, причем достаточно большого, чтобы компенсировать его личные затраты, однако это будет результатом других факторов, в том числе религии, культуры, социализации или, что наиболее важно, влияния лидера – политического предпринимателя [Gupta, 2005].

В исследовании М. Креншоу выбор в пользу терроризма делают индивиды, слабые по сравнению с режимом, которые хотят «драматизировать идею, деморализовать правительство, получить общественную поддержку, спровоцировать насилие со стороны режима, инспирировать последователей, или доминировать в широком движении сопротивления...» [Crenshaw, 1981, p. 389].

Ч. Тилли выделяет четыре типа террористов в зависимости от выбора ими объектов. Автономные террористы – политические группы, прибегающие к террористическим действиям против властей, символических объектов, противников или населения на своей территории. Фанатики выполняют те же действия на территории противника. Боевики – государственные и негосударственные акторы с действующей структурой насилия на своей территории и конспираторы – на чужой [Tilly, 2004, p. 11]. У каждой из этих групп свои мотивы, цели, обоснование терроризма, поэтому теория рационального выбора не всегда может объяснить их поведение. Есть также альтруизм и акразия террористов-смертников [McAllister, Schmid, p. 59].

Условия и факторы терроризма

Поскольку терроризм понимается как одна из форм протеста, исследователи предпосылок и факторов терроризма начинают проверять гипотезы, подтвержденные при исследованиях протестных действий или гражданских конфликтов. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими и иными контекстуальными переменными и риском терроризма. Такие связи понимаются как структурные предпосылки терроризма.

Рассматривая условия терроризма, М. Креншоу выделяет содействующие и побуждающие причины [Crenshaw, 1981]. Большинство исследователей с помощью статистических моделей пытаются выявить «основные причины» (*root causes*) терроризма, которые включают и благоприятные факторы, создающие возможности для терроризма, и катализаторы – непосредственно стимулирующие терроризм события [Noricks, 2009]. При исследованиях терроризма в качестве зависимой переменной рассматриваются риск и вероятность террористических действий, совершаемых зачастую независимо от заявленных целей субъектов. За независимые переменные принимают набор объективных условий, круг которых довольно ограничен: уровень социально-экономического развития, уровень стабильности, наличие дискриминации, тип политического режима и его легитимность, демографические и географические характеристики, а также идеологические и культурные факторы, определяющие отношение к использованию насилия.

Событием-триггером терроризма может стать любое действие или угроза действия по отношению к группе, которое будет воспринято как значительный «экзогенный шок» [Ibid.]. Развитие конфликта и действия сторон часто могут стать таким событием. Как отмечает У. Шугарт, терроризм не появляется в вакууме, а является следствием межгруппового конфликта – за землю, ресурсы, власть [Shughart, 2006]. Поэтому все исследователи терроризма начинают свой анализ с исследования факторов конфликтов.

Еще в 1960-е годы Т. Гурр выдвинул тезис о связи депривации и фрустрации с насилием: чем сильнее депривация, тем больше вероятность политического насилия. По его мнению, «у насилия всегда есть аперитив – эмоциональная база, а масштабы насилия зависят от степени ярости мобилизованных» [Gurr, 2015, p. 14]. С точки зрения ученого, разрыв между ожиданиями и достижениями в экономической и политической областях приводит к недовольству и поддержке оппозиционных политических действий, включая радикальные террористические [Gurr, 2006]. Исследователи развивают эту логику, изучая факторы, вызывающие чувство депривации и, как следствие, обращение к терроризму в качестве метода решения проблем.

Главным фактором депривации традиционно считается бедность, поэтому авторы говорят о связи между риском экстремизма в целом и терроризма в частности и бедностью, необразованно-

стью, безработицей и большим разрывом между бедными и богатыми. Однако большинство исследователей не смогли выявить значимой связи между этими факторами и участием в террористических действиях [Abadie, 2004; Krueger, Laitin, 2007; Piazza, 2006; Krueger, Malekčová, 2003] и сделали вывод о важности изучения политических, а не социально-экономических факторов. Дж. Пьяцца считает, что теория социального конфликта лучше объясняет терроризм, чем экономические гипотезы [Piazza, 2006].

А. Крюгер и Д. Лейтин в статье «Кто кого...» показывают, что уровень экономического развития является значимым только для страны-цели, так как страны с большим ВВП на душу населения чаще становятся объектом терроризма. Таким образом, субъекты терроризма (кто) – политически угнетенные, а объекты (кого) – богатые: «Кто» – фактор политический, а «кого» – фактор экономический [Krueger, Laitin, 2007, p. 25]. Т. Гурр считает, что главным условием терроризма является неравенство, а не бедность [Gurr, 2006, p. 87].

В свое время С. Хантингтон показал, что модернизация не способствует стабильности. Исследователи терроризма демонстрируют, что модернизация может вести к терроризму. По мнению Т. Гурра, урбанизация и социальная мобильность приводят к дискриминации, а изменение традиционных схем жизнедеятельности – к массовой дезориентации; в итоге больше людей могут быть подвержены новым идеологиям и новым формам политической организации, в том числе террористической, предлагающей четкую программу действий [Ibid., p. 89]. Как считает М. Креншоу, модернизация облегчает терроризм в инфраструктурном плане. Поэтому многие авторы называют терроризм «городской партизанской войной» [Crenshaw, 1981, p. 381–383].

По мнению Д. Норикса, «насильственное поведение является следствием социализации насилия» [Noricks, 2009, p. 38]. Следовательно, независимо от социально-экономических условий обращение к насильственной тактике связано с нормативным пониманием насилия внутри общества или группы. В этом случае важную роль будут иметь идеологическое и религиозное обоснование конфликтов.

Терроризм и политические режимы

Политические режимы могут создавать институциональные условия для террористических действий, так как от типа режима зависят гарантии политических и экономических прав, возможности для артикуляции и представительства интересов, а также введение ограничений, которые ведут к фрустрации и лишениям определенных групп населения. Демократические режимы дают больше возможностей для политического участия, выражения интересов и разрешения конфликтов в институциональных рамках, поэтому терроризм будет ответом на ужесточение такого режима [Schmid, 2004; Windsor, 2003]. Исключение отдельных групп из процесса принятия решений, по мнению многих авторов, является значимым политическим фактором терроризма, особенно этнополитического [Choi, Piazza, 2016, p. 41].

В демократиях при наличии дискриминации отдельных групп уровень терроризма в среднем составляет 8,31 наблюдения в год по сравнению с 1,49 в автократиях и 5,69 наблюдения в год в анократиях. Уровень терроризма значительно сокращается при отсутствии дискриминации в демократиях (до 2,41 набл. / год) и автократиях (до 0,86), но увеличивается в анократиях (до 6,71 набл. / год) [Ghatak, Gold, Prins, 2017, p. 7].

С точки зрения М. Креншоу, терроризм – продукт стабильного общества, а не симптома хрупкости и распада [Crenshaw, 1981, p. 384], поэтому он часто может применяться для разрушения стабильности при отсутствии или неэффективности других способов режимных изменений. Опасным для возникновения терроризма является наличие нелегитимного и слабого политического режима – в этом случае проводимые режимом репрессии будут неэффективны [Noricks, 2009, p. 20, 22].

Таким образом, хотя терроризм и может появиться в любой стране, чаще его источником являются развивающиеся общества, переживающие ускоренную модернизацию и страдающие от отсутствия политических прав [Abadie, 2004; Krueger, Malekčová, 2003]. Крюгер и Лейтин также показывают, что страны с низким уровнем политических прав чаще являются источниками терроризма, а не целями [Krueger, Laitin, 2007]. В более богатых странах с сильным оборонным потенциалом терроризм как метод будет считаться предпочтительнее, чем попытка переворота [Blomberg,

Hess, Weerapana, 2004]. Терроризму в демократических режимах будут способствовать: правила демократической игры (свобода прессы обеспечит широкое освещение терактов, признание гражданских свобод облегчит мобилизацию террористической группы), особенности институционального дизайна (мажоритарная электоральная система, не обеспечивающая представительство меньшинства, взаимоблокирование исполнительной и законодательной ветвей власти) и наличие большого числа вето игроков [Ghatak, Gold, Prins, 2017].

По мнению Л. Вайнберга, террористическое насилие также может быть связано с демократическим транзитом, когда определенные группы могут не признать переход к новому порядку, идентифицируя себя с порядком прежним. Террористические действия в этом случае станут символизировать отказ от признания изменений и станут сигналом серьезности намерений [Weinberg, 2006, p. 46]. В работе А. Абадье наглядно продемонстрировано увеличение терроризма в странах на этапе транзита от авторитаризма к демократии [Abadie, 2004].

Консолидированные демократические режимы чаще становятся объектом террористических действий, а в недемократических режимах чаще появляются субъекты терроризма. На основе исследования террористических действий в 16 странах Л. и Дж. Гамильтоны пришли к выводу, что в более открытых, богатых и образованных обществах сложнее эффективно бороться с терроризмом, чем в обществах автократических, репрессивных, бедных и необразованных [Hamilton, Hamilton, 1983].

Некоторые авторы исследуют предпосылки определенных типов терроризма и показывают, что появление революционного терроризма имеет видимую связь с авторитарным прошлым; этот тип терроризма практически не имеет шансов в консолидированных демократиях [Sánchez-Cuenca, 2006, p. 80].

Демократические институты и процедуры способствуют мирному разрешению конфликта и преодолению групповых лишений, но исследования демонстрируют отсутствие линейной связи между демократией и терроризмом. Как отмечает Дж. Уиндзор, в репрессивных режимах может не быть террористических движений, в то время как в зрелых демократиях появляются исламские экстремистские группировки [Windsor, 2003, p. 44].

Дж. Пьяцца приходит к выводу, что более разнородные по составу населения общества с многопартийными системами чаще испытывают террористическое воздействие, чем гомогенные страны с небольшим числом партий или без партий [Piazza, 2006, p. 171]. Однако в исследовании А. Крюгера и Д. Лэйтина этнолингвистическая и религиозная фракционализация и уровень политической стабильности не связаны с появлением терроризма [Krueger, Laitin, 2007].

Наибольший риск с точки зрения террористической опасности представляют консолидированные и новые демократии, гибридные режимы и режимы на этапе транзита. Консолидированные демократии институционально не способствуют терроризму, если институциональный дизайн соответствует демографическому составу населения, но могут стать объектом антидемократического и антизападного терроризма.

* * *

В настоящий момент в академических кругах сложился консенсус относительно минималистского определения терроризма как стратегии протеста с использованием насилия или угрозы насилия против гражданских лиц. Однако согласие относительно причин и условий возникновения терроризма не достигнуто. Структуралисты работают над обнаружением причинно-следственных связей между социальными, экономическими и иными контекстуальными переменными и риском терроризма и приходят либо к противоречивым и незначимым результатам, либо констатируют лишь наличие психологических мотивов. Как представляется, отчасти такая ситуация является следствием агрегирования всех типов терроризма в одну категорию без учета различий в политических целях, определяющих тип, объект и риторику террористических группировок.

Политический терроризм часто является продолжением определенной модели протеста (гражданской войны, этнического конфликта, народного восстания и пр.), поэтому условия возникновения терроризма будут варьироваться в зависимости от модели протеста. Подход на основе рационального выбора хотя и может моделировать поведение террористов и их сторонников, не может объяснить иррациональные формы их поведения.

Мы видим, что в течение «золотого века» террорологии исследователи собрали большой объем данных по случаям терроризма. Теперь, очевидно, должен наступить этап их обработки, анализа и систематизации. Многие авторы пришли к пониманию необходимости дезагрегирования собранных данных по типу терроризма, по типу субъектов и объектов, по стратегиям. При таком подходе для каждого типа терроризма можно выявить основные причины и стимулирующие факторы, рациональные и иррациональные мотивы, сравнить структурный и институциональный контексты, а также стратегию и тактику действий террористов. Представляется целесообразным проводить анализ этнического терроризма в контексте этнических конфликтов и этнических войн, религиозного терроризма – в логике культурной конфронтации, «столкновения цивилизаций», а государственного – в рамках исследований политических режимов. Корректировка подхода позволит повысить и практическую эффективность исследований терроризма, выработать эффективные контртеррористические меры для его конкретных типов.

Список литературы

- Авдеев Ю.И.* Типология терроризма // Современный терроризм: Состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 54–71.
- Грачев С.И., Гасымов О.А., Стесиков И.А.* Особенности современного терроризма и проблемные аспекты в системе антитерроризма // Власть. – М., 2012. – № 7. – С. 94–96.
- Кудряшова И.В.* Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука. – М.: РАН. ИНИОН, 2003. – № 2. – С. 87–117.
- Харитонова О.Г.* Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 1. – С. 30–59.
- Хохлов И.И.* Идеологическое обоснование терроризма как инструмента // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2017. – Т. 61, № 1. – С. 47–52.
- Abadie A.* Poverty, political freedom, and the roots of terrorism. – Cambridge, MA, 2004. – (Working Paper; N 10859). – Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w10859> (Дата посещения: 1.07.2018.)
- Başeren S.H.* Terrorism with its differentiating aspects // Defence against terrorism: review. – Ankara, 2008. – Vol. 1, N 1. – P. 1–11.
- Bjørge T.* Introduction // Root causes of terrorism / Ed. by T. Bjørge. – L.: Routledge, 2005. – P. 1–15.

- Blomberg S.B., Hess G.D., Weerapana A.* An economic model of terrorism // Conflict management and peace science. – L.; Thousand Oaks, 2004. – Vol. 21. – P. 17–28.
- Byman D.* The logic of ethnic terrorism // Studies in conflict & terrorism. – N.Y., 1998. – Vol. 21, N 2. – P. 149–169.
- Choi S.-W., Piazza J.A.* Ethnic groups, political exclusion and domestic terrorism // Defence and peace economics. – N.Y., 2016. – Vol. 27, N 1. – P. 37–63.
- Crenshaw M.* The causes of terrorism // Comparative politics. – N.Y., 1981. – Vol. 13, N 4. – P. 379–399.
- Ghatak S., Gold A., Prins B.S.* Domestic terrorism in democratic states: Understanding and addressing minority grievances // Journal of conflict resolution. – Thousand Oaks, CA, 2017. – Mode of access: <https://doi.org/10.1177/0022002717734285> (Дата посещения: 12.06.2018.)
- Global terrorism database codebook. – 2017. – June. – Mode of access: <http://www.start.umd.edu/gtd/downloads/Codebook.pdf> (Дата посещения: 01.07.2018.)
- Goodwin J.* A Theory of categorical terrorism // Social Forces. – Oxford, 2006. – Vol. 84, N 4. – P. 2028–2046.
- GTD codebook: Inclusion criteria and variables. – 2018. – July. – Mode of access: https://1pdf.net/gtd-codebook-national-consortium-for-the-study-of-terrorism_59c343f7f6065d432b267072 (Дата посещения: 20.09.2018.)
- Gupta D.K.* Exploring roots of terrorism // Root causes of terrorism: Myths, reality and ways forward / Ed. by T. Bjørge. – L.: Routledge, 2005. – P. 16–32.
- Gurr T.* Economic factors // The roots of terrorism / Ed. by L. Richardson. – N.Y.; L.: Routledge, 2006. – P. 85–101.
- Gurr T.* Political rebellion. Causes, outcomes and alternatives. – L.; N.Y.: Routledge, 2015. – 291 p.
- Hamilton L.C., Hamilton J.D.* Dynamics of terrorism // International studies quarterly. – Oxford, 1983. – Vol. 27, N 1. – P. 39–54.
- Honig O., Yahel I.* A fifth wave of terrorism? The emergence of terrorist semi-states // Terrorism and political violence. – N.Y., 2017. – DOI: 10.1080/09546553.2017.1330201
- Juergensmeyer M.* Religion as a cause of terrorism // The roots of terrorism / Ed. by L. Richardson. – N.Y.; L.: Routledge, 2006. – P. 133–144.
- Juergensmeyer M.* Terror in the mind of God. The global rise of religious violence. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 2001. – 320 p.
- Kalyvas S.* The paradox of terrorism in civil war // The journal of ethics. – Springer, 2004. – Vol. 8, N 1. – P. 97–138.
- Krueger A.B., Laiin D.D.* Kto kogo?: A cross-country study of the origins and targets of terrorism. – 2007. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/5190/95d72f1656ea72ed3fe8f1f72eee4d102358.pdf> (Дата посещения: 1.07.2018.)
- Krueger A.B., Malekčová J.* Education, poverty and terrorism: Is there a causal connection? // Journal of economic perspectives. – Pittsburgh, PA, 2003. – Vol. 17, N 4. – P. 119–144.
- McAllister B., Schmid A.P.* Theories of terrorism // Terrorism studies freebook. – N.Y.; L.: Routledge, 2015. – P. 28–156. – Mode of access: https://s3-us-west-2.amazonaws.com/tandfbis-rt-files/docs/FreeBooks+Opened+Up/Jan+18/Terrorism_Studies_FreeBook_Final_New.pdf (Дата посещения: 1.07.2018.)

- Mozaffari M.* The new era of terrorism: Approaches and typologies // Cooperation and conflict. – L.; Thousand Oaks, 1988. – Vol. 23. – P. 79–196.
- Noricks D.* The root causes of terrorism // Social science for counterterrorism putting the pieces together / P.K. Davis, K. Cragin (eds.). – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. – P. 11–70.
- Piazza J.A.* Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism // Journal of peace research. – L.; Thousand Oaks, 2011. – Vol. 48, N 3. – P. 339–353.
- Piazza J.A.* Rooted in poverty?: Terrorism, Poor economic development, and social cleavages // Terrorism and political violence. – N.Y., 2006. – Vol. 18. – P. 159–177.
- Post J.M.* Terrorist psycho-logic: Terrorist behavior as a product of psychological forces // Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, states of mind / Ed. by W. Reich. – Washington, D.C.: Woodrow Wilson center, 1990. – P. 25–40.
- Post J.M.* When hatred is bred in the bone: Psycho-cultural foundations of contemporary terrorism // Political psychology. – Columbus, NC: ISPP, 2005. – Vol. 26, N 4. – P. 615–636.
- Rapoport D.C.* The four waves of modern terrorism // Attacking terrorism: Elements of a grand strategy / Ed. by A.K. Cronin, J.M. Ludes. – Washington, D.C.: Georgetown univ. press, 2004. – P. 46–73.
- Richards A.* Conceptualizing terrorism // Studies in conflict and terrorism. – N.Y., 2014. – Vol. 37, N 3. – P. 213–236.
- Roeder P.G.* Clash of civilizations and escalation of domestic ethnopolitical conflicts // Comparative political studies. – L.; Thousand Oaks, 2003. – Vol. 36, N 5. – P. 509–540.
- Sánchez-Cuenca I.* The causes of revolutionary terrorism // The roots of terrorism / Ed. by L. Richardson. – N.Y.; L.: Routledge, 2006. – P. 71–82.
- Schmid A.P.* Comments on Marc Sageman's polemic «The stagnation in terrorism research» // Terrorism and political violence. – L.; N.Y., 2014. – Vol. 26. – P. 587–595.
- Schmid A.P.* Frameworks for conceptualizing terrorism // Terrorism and political violence. – N.Y., 2004. – Vol. 16, N 2. – P. 197–221.
- Shughart W.F.* An analytical history of terrorism, 1945–2000 // Public choice. – N.Y., 2006. – Vol. 128. – P. 7–39.
- Silke A., Schmidt-Petersen J.* The Golden Age? What the 100 most cited articles in terrorism studies tell us // Terrorism and political violence. – L.; N.Y., 2017. – Vol. 29, N 4. – P. 692–712.
- Terrorism and low intensity conflict in South Asia region / Ed. by O. Mishra, S. Ghosh. – New Delhi: Manak publications, 2003. – 568 p.
- Tilly Ch.* Terror, terrorism, terrorists // Sociological theory. – L.; Thousand Oaks, 2004. – Vol. 22, N 1. – P. 5–13.
- Weinberg L.* Democracy and terrorism // The roots of terrorism / Ed. by L. Richardson. – N.Y.; L.: Routledge, 2006. – P. 45–56.
- Windsor J.* Promoting democratization can combat terrorism // Washington quarterly. – N.Y., 2003. – Vol. 26, N 3. – P. 43–58.